

— Неужто в усадьбе князя Тана недавно получили какую-то награду? Позволяет себе такую расточительность.

Чжоу Танъинь понимающе улыбнулся, усаживая Лу Це:

— Возможно, слуги в усадьбе, увидев, что ты остаёшься ужинать, специально подготовили. Я обычно обхожусь тремя блюдами и супом, сегодня же осчастливлен твоей милостью.

Помогавший расставлять блюда управляющий улыбнулся:

— Мой князь в будни ест как попало, лишь бы поскорее. Сегодня, когда господин Лу здесь, нужно, чтобы князь поел побольше!

Лу Це, подражая жесту Чжоу Танъина с утра, подцепил его за подбородок, разглядывая:

— И вправду похудел. Но и хорошо, что не доел — отправишь остатки ко мне в усадьбу, ночью проголодаюсь, смогу себе немного подогреть.

Подбородок был в чьих-то пальцах, тёплое ощущение передавалось от прикосновения кожи того человека. Чжоу Танъинь, опустив взгляд, встретился с парой сверкающих глаз, чистых и ослепительных, словно молодые ростки.

Он приоткрыл губы, слова уже вертелись на языке, но он всё же проглотил их и поставил перед Лу Це рыбу, которую очистили слуги:

— Пока горячо, остынет — потеряет вкус.

Оба они не были обжорами, попробовали понемногу от каждого блюда на столе. Управляющий, конечно, не посмел позволить Лу Це забрать с собой целый стол объедков, тут же собрался велеть кухне приготовить ещё, чтобы, если ночью проголодается, можно было перекусить.

Лу Це же просто пошутил и, тут же энергично размахивая руками, с улыбкой отказался.

После его ухода Чжоу Танъинь лично проводил его до ворот. Была уже глубокая ночь, двери и окна в каждом доме плотно закрыты, кругом стояла полная тишина.

Чжоу Танъинь тихо вздохнул, обнял его и сказал серьёзным голосом:

— Береги себя в этом путешествии.

Ресницы Лу Це дрогнули, края его глаз миндалевидной формы слегка покраснели, голос осип:

— Все эти годы благодарю.

Оба они знали, что сегодняшняя встреча, возможно, последняя.

Государь ценил Чжоу Танъиня: сначала пожаловал княжеский титул, затем даровал усадьбу от себя. Естественно, он стал занозой в глазу и костью в горле у своих братьев, каждый день был занят до предела.

Государственная мощь Великой Чу день ото дня крепла, а в Великой Чжоу внутренние проблемы усугублялись, борьба за наследника престола накалялась, и здоровье старого государя, судя по всему, в любой момент могло отправить его в путешествие на запад на журавле.

Желание поддерживать добрососедские отношения с соседним государством, естественно, требовало проявления искренности. И Лу Це как раз и был этой искренностью.

На следующий день Лу Це по вызову явился во дворец. Передала приказ придворная дама из дворца Аньу.

Наложница Вань желала его видеть.

Лу Це был слегка ошеломлён и сказал придворной даме:

— Прошу госпожу немного отдохнуть, Лу Це переоденется и сразу придёт.

Всей дорогой до дворца Аньу в огромных покоях половина прислуги была удалена, остались лишь самые доверенные.

На стуле сидела женщина, величавая и благородная, лицо покрыто пудрой, но невозможно скрыть усталость, морщинки в уголках глаз стали ещё заметнее при виде Лу Це.

Перед ним была родная мать Чжоу Таньиня, а также старинная подруга его собственной матери. В своё время из-за дел её материнского клана она была замешана и прозябала в забвении во дворце более десяти лет. Пронеслись двенадцать лет, и даже теперь, облачённая в роскошные наряды, она не могла скрыть следы тех лет. Лу Це невольно ощутил приступ печали. Он опустил на оба колена, коснулся лбом земли, совершив глубокий поклон.

Наложница Вань, поддерживаемая придворными, лично спустилась вниз. В глазах Лу Це отразились туфли, вышитые облачным узором, а в следующую секунду пара нежных рук мягко подняла его. Перед ним оказалось добродушно улыбающееся лицо наложницы Вань. Ветер из окна нежно ласкал лицо, раскачивая занавесь из бусин в углу, заставляя её мелодично позвякивать, в такт медленно льющим спокойным словам женщины:

— Твоя мать в своё время спасла мне жизнь, когда у меня были тяжёлые роды. Но за все эти годы, что ты в Великой Чжоу, ты приобрёл большое тело, а я из-за осторожности не смогла тебе помочь. Ты меня винишь?

Лу Це опустил голову, погрузившись в молчание.

Вчерашние семена стали сегодняшними плодами, к чему сегодня говорить о причинах.

— Не смею. Действия вашего высочества — это мудрая осторожность для самосохранения, наилучшая стратегия, — Лу Це сделал паузу, уголки губ медленно поползли вверх. — Если бы из-за одного меня ваше высочество также погрязло в трясине, тогда Лу Це был бы в отчаянии.

Наложница Вань, казалось, слегка облегчённо вздохнула, через мгновение её улыбка смягчилась:

— Я старинная подруга твоей матери, а ты с Инем — друзья. Я, естественно, не желаю видеть тебя страдающим. Государственный наставник посеял в твоём теле яд, мне это известно. В деле противоядия я тоже помогу, чем смогу.

Рука Лу Це, спрятанная в рукаве, резко сжалась. Когда он вышел из Управы Цяньцзи, все думали, что Государственный наставник дал ему шанс, не зная, что подложенный ему яд и был настоящей ловушкой.

Заставляющей его подчиниться воле других.

Он не думал, что наложница Вань тоже будет в курсе этого дела. Это вызвало в нём беспричинное беспокойство, окутавшее сердце.

Когда Лу Це вышел из дворца, уже стемнело.

Густые тучи клубились, вороньё каркало, тяжесть давила на сердце, не давая вздохнуть.

С того дня, как он покинул дворец Аньу, Лу Це проводил дни в праздности у себя дома. Через три дня вопросы, связанные с поездкой в Великую Чу, наконец были окончательно согласованы.

Лу Це принял указ, проводил пришедшего евнуха, и жизнь вернулась в обычное русло.

В этот день нагрянул незваный гость. Прибыл мелкий чиновник из Управы Цяньцзи, человека этого Лу Це не видел во время своего пребывания в Управе.

— Этот малый прибыл по приказу Государственного наставника. Прошу господина носить этот ароматический мешочек на себе. Яд силён, хорошо сбивает с толку людей, а этот мешочек обладает успокаивающим и проясняющим ум действием. Государственный наставник говорит, что если господин будет хорошо слушаться, впредь каждые полмесяца голубем будет доставлять противоядие к господину.

Лу Це взял ароматический мешочек, холодно усмехнулся и, глядя на чиновника перед собой с насмешливой улыбкой, сказал:

— Государственный наставник — мастер тонких расчётов. Передай ему от меня: жизнь Лу Це, жалкая тварь, находится в его руках, как же мне не слушаться?

Мелкий чиновник, услышав это, в изумлении поднял голову, встретился с его холодным, глубоким взглядом, весь похолодел и, передав поручение, поспешил ретироваться.

*

Когда настало время отправляться в путь, Лу Це действительно увидел среди сопровождающих Гуань Мян.

В тот момент, когда Лу Це ступил в экипаж, он вдруг остановился, обернулся. Брови изящно изогнулись, внешние уголки глаз удлиннились, уголки губ приподнялись в ослепительно прекрасной, дух захватывающей улыбке. Тонкие губы приоткрылись, и он медленно произнёс:

— Господин Гуань, предстоит долгий путь в Великую Чу, надеюсь, всё в порядке?

Гуань Мян, держа лошадь под уздцы, стоял в стороне с опущенными глазами, не говоря ни слова. Капля холодного пота скатилась с макушки по щеке на шею, прямо впитавшись в воротник одежды.

Морской орёл кружил в низком небе, издавая протяжные крики.

Караван шёл месяц, достигнув границы Великой Чу. Сопровождавшая армия на полпути вернулась обратно, остались лишь чиновники Великой Чжоу, посещавшие Чу в этот раз.

Этой ночью группа остановилась на почтовой станции. Стоило лишь двинуться вперёд, и

можно было увидеть высокие стены Гуаньдуна. А эта ночь была необычайно спокойной.

На следующее утро за дверью раздался стук, послышался голос Жуань Дао:

— Господин Лу, вы уже встали? Господин Шангуань говорит, что после завтрака отправляемся в путь, ускоримся, и через полмесяца сможем добраться до столицы.

— Сейчас выйду, — отозвался Лу Це, и в горле тут же подступил привкус железа. Неожиданно начался сильный, резкий приступ кашля.

Он одной рукой сжал грудь, лицо смертельно побледнело, он откашлялся с кровью, и губы мгновенно окрасились в зловещий кроваво-красный цвет.

Последние несколько дней на границе была сильная песчаная буря. Караван всю дорогу торопился. Хотя после выхода из Управы Цяньцзи боевые искусства Лу Це не пропали, физическая сила была уже далеко не прежней, даже в знойную жару он носил на два слоя одежды больше, чем другие. Если он передал холодной пищи, в лёгком случае несколько дней чувствовал вялость во всём теле, в тяжёлом — отлёживался, пока не поправится.

Не думал, что теперь даже быстрая езда так его измотала.

Когда он вышел, окровавленная одежда была уже давно сменена, потому он немного задержался.

Добравшись до города Линьчжан, по обеим сторонам дороги шумела толпа. Тонкие, нежные пальцы приподняли занавеску экипажа, взгляд упал на оживлённое и шумное уличное движение за окном. Всплыли старые картины прошлого, в глазах Лу Це пробежала волна, скрывавшая крайне сложные чувства.

Жуань Дао, заметив, что Лу Це выглядит неважно, внутренне ощутил смутную тревогу:

— Может, поговорить с господином Шангуанем, сначала прекратить спешку?

Лу Це поднял руку, останавливая его, подавил странное ощущение в теле, холодно усмехнулся уголками губ:

— Не нужно.

Все действовали скрытно. Чиновник, присланный Великой Чу для встречи, разместил группу на отдых в городской почтовой станции.

Сопровождавший господин Шангуань у входа на станцию выглядел встревоженным. Увидев это, Лу Це не удержался от любопытства и спросил:

— Господин, что случилось? Почему ещё не возвращаетесь в покой отдохнуть? Дорога утомительна, самое важное — беречь себя.

Господин Шангуань вздрогнул всем телом от этого тихого голоса, вытер выступивший на виске пот и, несколько нервно, сказал:

— Благодарю господина Лу за заботу. Просто вот этот господин Гуань, чиновник управления, неизвестно куда пропал, а у меня с ним ещё есть дело для обсуждения.

<http://bllate.org/book/15603/1392825>